

Играй без установки (16+)

Множество героев и злодеев, кампаний и миссий. Сможешь ли ты защитить Доминию? Хроники Хаоса

ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 СЕНТЯБРЯ 2014 Г.

Арно Леклерк. Русское влияние в Евразии: Геополитическая история от становления государства до времен Путина

После двух десятилетий забвения со стороны политической и экономической российской элиты азиатская часть России, к которой относятся Западная и Восточная Сибирь и Дальний Восток, вновь возвращается в игру. Так стоит ли принимать в расчет близкую к закату западную часть континента, когда всеми своими огнями уже засиял Восток? Не более ли интересна китайская модель, представляющая собой смесь государственного авторитаризма и рыночной экономики, чем, например, Евросоюз, переживающий кризис своего существования? Поворот в сторону Востока, оценка значимости азиатской составляющей и развитие Сибири как приоритетное направление внутренней политики имеют долгую историю. Может ли российская держава претендовать на то, чтобы называться азиатской страной? Пристало ли этому развитому и упрочившему свое положение в Европе государству стремиться в противоположную часть света? Что в целом представляет собой Дальневосточная Россия — часть приглашенной в Азию Европы или

самоценную надежду Евразии?

Принимая в расчет оба измерения России — европейское и азиатское, Арно Леклерк анализирует потенциал и риски, связанные с этой двойственностью, и помогает нам постичь вновь открывающуюся перспективу.

Отрывок из книги:

Предисловие. Россия: в медленном темпе

Преимущество этой книги в том, что она написана несколько необычным для небольшого круга французских русологов человеком. Ее автор — не молодой ученый, специализирующийся на политических науках, и не новоиспеченный выпускник какого-нибудь высшего учебного заведения, а внимательный наблюдатель, опирающийся на свою длительную практику погружения в российскую среду.

Будучи профессиональным финансистом, банкиром и управленцем, Арно Леклерк окупился в самую гущу происходивших в России событий. Он много лет путешествовал по стране, встречался с людьми, принимающими решения и занимающими важные должности, наблюдал за быстро меняющимся обществом. Вопросами, которые он ставит перед собой, сегодня задается подавляющее большинство работающих в России иностранных аналитиков, дипломатов и бизнесменов, пришедших к выводу, что шаблоны мышления, применяемые на Западе, часто оказываются бесполезными для осознания процессов, происходящих в российском обществе, и решений, принимаемых его нынешними руководителями. Помимо прочего, перед нами — наблюдения человека любопытного и заинтригованного бессилием средств массовой информации в отношении нынешней России, СМИ, демонстрирующих явную раздраженность возникающими погрешностями и необходимостью играть по определенным правилам.

Отстаиваемые и аргументируемые в книге положения являются ответами Арно Леклерка на многие актуальные вопросы. Его объемный труд основан на убеждении, что именно медленный темп развития страны и ее многовековая история являются главными ключами к пониманию сути российской геополитики и ее современных особенностей.

Как оценить весь комплекс проблем, имеющихся сегодня в Чечне, Дагестане или соседней Грузии, не принимая во внимание невероятно долгую (самую длительную из всех, которые вела Россия) Кавказскую войну, наложившую отпечаток на всю российскую историю XIX века? Как понять причины острых столкновений в Средней Азии, не учитывая Большую игру, которая велась на протяжении столетия между Россией и ее соперником — Британской империей, наиболее могущественной в то время западной державой?

Крупнейшие задачи российской геополитики должны рассматриваться в контексте сложных исторических тенденций, которые все еще оказывают влияние на решения нынешних лидеров страны. Блокирование Черного моря державами, не имеющими к нему прямого выхода, статус Крыма и даже выбор Украины в качестве союзника Запада звучат иногда болезненным эхом в коллективной памяти людей, населяющих Россию. Не менее ощутима неосознанная, но сильная связь россиян с православными народами Балкан. И когда российское правительство в Кремле решает развивать великий Северный морской путь, проходящий вдоль берегов Евразии по арктическим морям, оно идет, во-первых, по стопам влиятельных русских купцов, в XIX веке искавших морскую дорогу, которая открыла бы для них европейские и азиатские рынки, а во-вторых, по стопам Сталина, проложившего в Арктике эту дорогу по воде и воздуху — дорогу, ставшую одним из наиболее значимых символов его режима, свидетельством стремления к экспансии. Мы сможем лучше понять жесткое и иногда даже яростное сопротивление российской власти планам создания натовского «противоракетного щита», если вспомним, что как руководящие круги, так и население СССР с момента возникновения Союза до самого его распада чувствовали себя находящимися «в осаде». В памяти страны, хлебнувшей горя в XX столетии, еще свежи отголоски вражеских нашествий, не исчезло еще ощущение, что неприятель стоит у ворот.

История нелинейна, и события прошлого придают смысл настоящему; недостаточно просто обозначить пунктиром вектор будущего развития. Задача исследователя — постоянно отграничивать правила от исключений, глобальные перемены от простых, хоть и причудливых изгибов пути. Проследив основные направления российской геополитики, Арно Леклерк выделяет те из них, которые способствуют восприятию себя России как евразийской державы. По мнению автора, роль шарнира между двумя частями света — Европой и Азией — является фактором, позволяющим российскому государству вновь претендовать на статус мирового гиганта. И в этом случае историческая ретроспектива также позволяет глубже понять смысл происходящих сегодня в России перемен. После двух десятилетий забвения со стороны политической и экономической российской элиты азиатская часть России, к которой относятся Западная и Восточная Сибирь и Дальний Восток, вновь возвращается в игру. Начиная масштабное строительство, Россия хочет превратить свой тихоокеанский аванпост Владивосток в маленький Сан-Франциско. Там строится поражающий воображение мост через бухту и университет, в котором намерены исследовать новые технологии и возможности сотрудничества с японскими, китайскими и корейскими соседями. Сибирь становится регионом, требующим гигантских капиталовложений, направленных на развитие инфраструктуры и улучшение демографической ситуации. Леклерк анализирует в книге проекты строительства газо- и нефтепроводов, вызвавшие рост инвестиций и разведку сырьевых месторождений и призванные обеспечить развивающиеся рынки Азии необходимым объемом энергоносителей.

Стремление закрепиться на берегах Тихого океана сопровождается постоянными спорами в правящих кругах о реальном или предполагаемом упадке «старой Европы», ее институтов, иногда даже о кризисе ее ценностей. Если в 1990-е гг. ослабленная и униженная Россия искала спасения исключительно в укреплении своих отношений с Европой, то сегодня она сомневается в их насущной необходимости. Действительно, стоит ли принимать в расчет близкую к закату западную часть континента, когда всеми своими огнями уже засиял Восток? Не более ли интересна китайская модель, представляющая собой смесь государственного авторитаризма и рыночной экономики, чем, например, Евросоюз, переживающий кризис своего существования? Эти вопросы, также рассматриваемые Арно Леклерком, — предмет активных дискуссий в Москве. Поворот в сторону Востока, оценка значимости азиатской составляющей и развитие Сибири как приоритетное направление внутренней политики имеют долгую историю. Уже в XIX столетии дворяне и сибирские интеллигенты, очарованные калифорнийским чудом, мечтали об автономном и процветающем русском «Дальнем Востоке», который стал бы аналогом находящейся по другую сторону Тихого океана Калифорнии. Причем большинство аргументов, которые Николай Муравьев-Амурский приводил, когда убеждал Санкт-Петербургские власти предоставить ему необходимые для покорения русского Дальнего Востока средства, сохраняют актуальность до сих пор. Китайская угроза, необходимость торговых отношений с Японией, уязвимость восточных рубежей России в свете экономических претензий ведущих мировых держав того времени, практически неисчерпаемый потенциал Сибири — вот вопросы, бурно обсуждавшиеся в середине XIX века. Геополитическая, экономическая или военная сторона дискуссий не замедлила перейти в более глубокий спор о евразийской природе России. Может ли российская держава претендовать на то, чтобы называться азиатской страной? Пристало ли этому развитому и упрочившему свое положение в Европе государству стремиться в противоположную часть света? Является ли Россия чем-то большим, нежели просто колониальной страной, расположенной на границе с Китаем? И надо ли ей продолжать попытки самоидентификации, базирующейся не только на православных традициях, русско-украинской культуре (украинцы составляли значительную часть переселенцев на Дальний Восток), но и, помимо этого, на китайском, маньчжурском и корейском влиянии и, более того, на влиянии буддизма? Что в целом представляет собой дальневосточная Россия — часть приглашенной в Азию Европы или самоценную надежду Евразии?

Эти споры притихли после поражения России в войне с Японией, а затем из-за хаоса, сопровождавшего Первую мировую и Гражданскую войны. Сегодня выясняется, что перерыв был временным, и Арно Леклерк, принимая в расчет оба — европейское и азиатское — измерения России, анализирует потенциал и риски, связанные с этой двойственностью, помогая нам постичь вновь открывающуюся перспективу. Объединив историю и геополитику в подзаголовке своей книги, он добивается необходимой глубины исследования в свете актуализации основных тенденций.

Введение. От советского краха к российскому ренессансу

В 1989-1991 г. Россия вместе со столь же быстрым, сколь и неожиданным распадом советской системы пережила череду исторических и геополитических потрясений, положивших начало периоду хаоса, во время которого экономический и социальный кризис сопровождался потерей могущества и влияния. Всего несколькими годами ранее представить себе нечто подобное было невозможно: казалось, ядерный паритет надолго гарантирует стабильность биполярного мира, возникшего по окончании Второй мировой войны. Даже «диагнозы» Амальрика, Сахарова или Солженицына не являлись для западного сознания свидетельством неизбежного конца режима, порожденного Октябрьской революцией, а также геополитического блока, образованного Сталиным после победы над гитлеровской Германией. Несмотря на соблазны вроде обещанного советской пропагандой «светлого завтра», которыми искушали некоторую часть населения «свободного мира», разоблачение преступлений Сталина и откровения Солженицына о масштабах гулаговских лагерей развеяли прежние иллюзии, однако бытовало мнение о неуязвимости империи благодаря ее индустриальной и военной мощи.

В начале 1980-х гг. советское могущество действительно представлялось достигшим своего апогея. СССР добился от Запада «разрядки», признания европейских границ, ставших наследием Второй мировой войны. Хельсинкские соглашения 1975 г. воспринимались некоторыми как договор между слабоумными, в котором определенные уступки были сделаны одной-единственной европейской стране, однако тот факт, что Соединенные Штаты переживали тогда упадок и были ослаблены в результате поражения во Вьетнаме и уотергейтского скандала, казалось, не оставлял другого выхода. СССР обладал большими возможностями извлечь выгоду из западных кредитов и развивать торговые отношения со странами враждебного блока. Советский Союз согласился выполнять обязательства по соблюдению прав человека, а также по обеспечению свободы передвижения и слова, предусмотренной «третьей корзиной» Хельсинкских соглашений, однако нам известны реальные рамки, которыми ограничивалась реализация данной программы. В период ядерного паритета, установившегося благодаря заключению договора ОСВ-1 между Ричардом Никсоном и Леонидом Брежневым, исчезли последние сомнения в существовании биполярного мира, который возник во время холодной войны. Параллельно с этим СССР прилагал огромные усилия, наращивая обычные вооружения, и продолжал серьезно давить этим на Западную Европу, представляя для нее реальную угрозу. В это время Варшавский договор обладал благоприятным соотношением сил — три к одному по численности сухопутных войск и наземных вооружений, если сравнивать с армиями стран — членов НАТО; Раймон Арон назвал сложившуюся ситуацию невозможной, считая «почти невероятным» установление длительного перемирия между двумя лагерями. Наиболее характерная и яркая черта данного периода — это, несомненно, появление у СССР, и у Леонида Брежнева в частности, новых амбиций «планетарного» масштаба. Казалось, что союз с Кубой, возникший во время Карибского кризиса, и с Северным Вьетнамом, заключенный в годы войны (когда стало ясно, что американцы поддерживают южновьетнамское государство, появившееся в результате «Женевского раздела» — Женевской конференции 1954 г. о демаркационной линии по 17-й параллели), открывает исключительно благоприятные перспективы. При этом можно было наблюдать, как СССР из-за Анвара Садата «потерял» Египет, несмотря на то что продолжал поддерживать тесные отношения с националистическими арабскими режимами — иракским, сирийским и алжирским. Советская мощь, которой отныне, правда, приходилось считаться с враждебно настроенным, но все еще коммунистическим Китаем, действительно отождествлялась с огромным, притягивающим взгляд территориальным пространством, раскинувшимся от Германской Демократической Республики и Чехословакии до берегов Тихого океана. Военно-морские силы, возглавляемые адмиралом Горшковым, теперь имели возможность проникать намного дальше, чем прежде. Развитие в СССР подводного флота — это считалось приоритетной задачей — позволяло Советскому Союзу в случае конфликта в Европе оказаться в Северной Атлантике, а кроме того, действовать в зонах, ранее свободных от какого бы то ни было советского присутствия. То же самое — и в Индийском океане, что открывало невиданные ранее перспективы для проведения операций в Восточной Африке: это продемонстрировала революция в Эфиопии, переворот под руководством Сида Барре в Сомали и события в Южном Йемене. Нечто подобное произошло и на юге Африки, где стремительная, сопровождавшаяся междоусобицами деколонизация необъятных территорий, де-юре все еще принадлежавших Португалии, — Анголы и Мозамбика — открыла простор для совместного вмешательства советских и кубинских военных, приглашенных на службу местными революционными движениями, в частности ангольским. Вместе с тем советское присутствие в Индийском океане представляло угрозу маршрутам движения нефтяных танкеров, отныне вынужденных плыть мимо мыса Доброй Надежды. Новое охлаждение международных отношений, наступившее во второй половине 1970-х гг., казалось, должно было надолго гарантировать стабильность СССР, утратившему почти весь свой ореол «освободителя». Советский Союз тогда проигрывал идеологическую битву с Западом, но располагал невиданной дотоле мощью, из-за которой философ Корнелиус Касториadis охарактеризовал его как «стратократию». За придуманный им термин «бронекommунизм» его

раскритиковали противники, считавшие, что теперь СССР никому не должен обещать никакого освобождения, столь ожидаемого многими после Октябрьской революции, и построения «государства рабочих». Подобную эволюцию четко сформулировал Эдгар Морен в своем эссе «О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя». Уверенные в собственных силах, советские руководители тогда могли развернуть ракеты СС-20, представлявшие особую угрозу для Западной Европы, чтобы добиться распада Атлантического альянса, поскольку Соединенные Штаты, по меткому выражению Генри Киссинджера, не были готовы «рисковать Нью-Йорком или Хьюстоном ради спасения Гамбурга». Не колеблясь, лидеры СССР во имя «защиты нерушимых завоеваний социализма» в декабре 1979 г. ввязались в афганскую авантюру, хотя казалось, что установившийся в 1978 г. в Кабуле коммунистический режим сможет выстоять; и это привело к конфликту с непредсказуемыми последствиями.

Тупиковая ситуация в Афганистане, исчерпанные ресурсы российской геронтократии, невозможность перехода к массовому обществу потребления и стремление народов Восточной Европы к свободе заставили искать новые решения. Михаил Горбачев не смог воплотить в жизнь реформы, считавшиеся необходимыми для выживания советской системы, которая находилась «на последнем издыхании», отставала от Запада в области производства и инноваций и была неспособна противостоять неизбежным переменам. Семь десятилетий коммунизма завершаются почти полным провалом, несмотря на победу в 1945-м и успехи, достигнутые в освоении космоса на рубеже 1960-х гг. Результаты оказываются плачевными. В конце XX века — наследника «Великого века» России — страна остается в плену идеологической системы, оторванной от реальности и стремящейся создать «нового человека», что препятствует реализации ее мощного потенциала.

События 1991 г., абсолютно непредсказуемые — если учитывать особенности развития страны — еще несколькими годами ранее, создали в новом российском государстве катастрофическую ситуацию, при которой резкое сокращение производства сочеталось с быстрым обнищанием большинства населения. К этому добавилась распад военно-промышленного комплекса, казавшегося теперь слишком громоздким в новом геополитическом контексте, порожденном окончанием холодной войны. Масштабы внутреннего кризиса совпали для российской власти с невиданным политическим коллапсом. Пятнадцать независимых республик пришли на смену развалившемуся Советскому Союзу, хотя Российская Федерация со своей площадью в 17 млн кв. км, самое большое государство в мире, все еще существовала. Европейские, кавказские и среднеазиатские окраины того, что прежде было царской, а затем советской империей, оказались потерянными спустя два года после утраты восточноевропейского щита, установленного Сталиным по окончании Второй мировой войны.

В течение 1980-х гг., когда начало десятилетия, казалось, явило миру убедительные свидетельства непоколебимости советской власти, обозначились первые признаки будущего упадка. С декабря 1979 г., когда НАТО объявляет о развертывании в Западной Европе «першингов» и американских крылатых ракет в ответ на аналогичное размещение советских СС-20, начинается европейский ракетный кризис, завершившийся в итоге проигрышем Москвы. В июле 1980 г. вслед за Соединенными Штатами пятьдесят шесть западных стран отказываются участвовать в проводимых в Москве Олимпийских играх в знак протеста против советского вторжения в Афганистан в декабре 1979 г. В том же году популярность польского движения «Солидарность» демонстрирует западным рабочим, соблазненным коммунистической моделью, суровую реальность «народной демократии». Когда в ноябре 1982 г. умирает Леонид Брежнев, его преемником становится пожилой шеф КГБ Юрий Андропов. Он представляет другое поколение управленцев и соответствует различным пожеланиям тех, кто прежде находился на вершине советской власти. Зная о слабости системы, вынужденной бороться с коррупцией, и сознавая, что для обеспечения устойчивого положения Советскому Союзу необходима модернизация, Андропов мог бы стать инициатором реформ, необходимых, чтобы догнать США. В то же самое время, в марте 1983 г., президент Рональд Рейган дает старт проекту Стратегической оборонной инициативы (СОИ), направленному на создание «космического щита», способного полностью нарушить паритет, установившийся между двумя «великанами» в 1960-х гг. В феврале 1984 г. смерть Андропова дает возможность старой партийной гвардии, напуганной объявленными реформами, протолкнуть на пост генсека Константина Черненко, который вскоре тоже умирает. СССР переживает период неопределенности в отношении верховной власти, будучи при этом по-прежнему вовлеченным в Афганскую войну, ставшую, кажется, вечной, и потерпев поражение во время европейского ракетного кризиса. Тогда же Рональд Рейган, триумфально переизбранный в ноябре 1984 г., полностью берет на себя ответственность за «возвращение Америки», объявленное в рамках его кампании 1980 г., осуждает «Империю зла» и обеспечивает активную поддержку афганским моджахедам, называемым «борцами за свободу». Приход к власти Михаила Горбачева в марте 1985 г. знаменует собой начало реформ, поскольку новый Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии, как ранее Андропов, понимает слабость системы. Чтобы укрепить ее, он решает прекратить слишком затратное противостояние с западным лагерем, дабы иметь возможность сосредоточиться на модернизации СССР и обеспечить населению широкий доступ к товарам народного потребления. Затем события уже сами направляли его: чернобыльская ядерная катастрофа в апреле 1986 г. показывает всему миру серьезные недостатки советской системы; в декабре 1987 г. Михаил Горбачев и Рональд Рейган подписывают Вашингтонский договор о ликвидации ракет средней и малой дальности; в апреле 1988 г. в Женеве достигнуто соглашение о выводе советских войск из Афганистана. Наконец, события лета 1989 г. — стремительное развитие ситуации в Польше, разрушение «железного занавеса» на австрийско-венгерской границе — становятся подобны расплозющемуся масляному пятну и

в ноябре того же года приводят к падению Берлинской стены, с 1961 г. являвшейся символом разделения Германии и Европы. Отказавшись от восточноевропейского щита, сохранение которого становилось все более сложным, и согласившись на объединение Германии, Советский Союз подтверждает свои намерения, решаясь летом 1991 г. на аннулирование Варшавского пакта и роспуск СЭВ (Совета экономической взаимопомощи), связывавшего бывшие «народные демократии» Восточной Европы.

Михаил Горбачев, однако, не смог управлять процессами и изменениями, порожденными перестройкой. Столкнувшись с бременем, унаследованным от прежней системы, и с национальными движениями за независимость, возникшими на Кавказе, в странах Балтии, а затем и на Украине, он быстро отстал от событий, а провалившаяся попытка государственного переворота «консерваторов», предпринятая в период с 19 по 21 августа 1991 г. в Москве, решила его судьбу и участь Советского Союза. Автор книги прибывает в Москву на третий день путча, оказавшись в атмосфере «лихорадки» и эйфории. Ему 24 года, и он столь же часто общается с Анатолием Собчаком и молодыми депутатами-реформаторами, сколь и со старыми представителями режима. Например, с президентом Союза архитекторов СССР, оставившим москвичам на память о себе здание Академии наук на площади Гагарина — возможно, замечательный образец торжества человеческого разума и одновременно наказ молодым архитекторам, «как не надо строить». Начиная с 8 декабря Борис Ельцин, избранный в июне того же года президентом Российской Федерации, вместе с украинским и белорусским коллегами решается создать Содружество Независимых Государств (СНГ). Это становится прелюдией к официальному «финалу» СССР, провозглашенному через несколько дней. Опираясь на премьер-министра, реформатора Егора Гайдара, Борис Ельцин начинает полную перестройку экономики, наметившуюся в связи с присоединением России к Международному валютному фонду и Всемирному банку, принимая закон о приватизации государственных предприятий и начале реформ, направленных на либерализацию экономики. В эту эпоху автор сталкивается с первым свидетельством разницы восприятия сложившихся реалий в Европе и в России. Будучи уполномоченным совместного французско-российского предприятия, занимавшегося недвижимостью, автор добивается аудиенции в Белом доме у Олега Лобова, приближенного Ельцина и в то время председателя Совета Министров. Тот молодой человек смог добиться своего и получить от Российской Федерации гарантийное письмо на сумму в 200 млн долларов, соответствующую размеру инвестиций российской стороны. По возвращении в Париж автор рассчитывает на триумф: заручиться в столь юном возрасте гарантиями от правительства России! К несчастью, ни один французский банк не согласился засчитать визу российской стороны стоимостью 200 млн долларов, и проект так никогда и не был реализован. Сегодня это кажется невероятным. По крайней мере в финансовом отношении имидж России теперь значительно улучшается. В марте 1992 г. Чечня и Татарстан заявляют о желании стать независимыми, отказавшись подписывать договор, определяющий взаимоотношения между Москвой и регионами — республиками, образующими новую Российскую Федерацию. В конце 1992 г. Егор Гайдар, сторонник быстрой либерализации экономики, заменен на Виктора Черномырдина, и хотя в апреле 1993 г. 58% избирателей в ходе референдума выражают доверие политике Бориса Ельцина, в июне наступает финансовый коллапс, сопровождающийся катастрофическим падением курса рубля. Роспуск парламента, предпринятый президентом в сентябре, становится началом острейшего кризиса, поскольку парламентарии голосуют за отставку Бориса Ельцина, который в ответ применяет против оппонентов силу. По ряду причин автор станет непосредственным свидетелем этого драматического московского эпизода, с того самого момента, когда во время демонстрации начала проявляться эскалация насилия, до шквала очередей из «калашниковых», выпущенных во время штурма Белого дома, в результате чего погибли почти сто пятьдесят человек. В декабре россияне одновременно с выборами в Федеральное Собрание не одобряют «президентскую» конституцию, которую предлагает им Борис Ельцин. Несмотря на крах рубля, начало в 1994 г. Первой чеченской войны и огромнейшие долги, на погашение которых Россия вынуждена была согласиться, в июле 1996 г. Ельцин переизбран 53,8% голосов за несколько недель до прекращения войны в Чечне. На фоне резко ухудшающегося экономического и социального положения и в то самое время, когда в июле 1998 г. МВФ соглашается предоставить России новый кредит в размере 23 млрд долларов, 17 августа Россия объявляет дефолт по своим долгам. Несколькими месяцами ранее автор возвращается в Москву развивать бизнес и находит страну погруженной в беспрецедентный финансовый кризис. Он видит крайний эгоцентризм крупных банков и международных финансовых институтов, равно как и хищнические амбиции некоторых олигархов, растущие одновременно с обнищанием населения. 21 сентября премьер-министром становится Евгений Примаков, который порывает с политикой, проводимой с 1992 г. и приведшей страну к краху, а также поставившей ее в неуклонно растущую зависимость от кредиторов. 1999-й год приносит решающие перемены. 9 августа Борис Ельцин назначает шефа бывшего КГБ (с 1998 г. — ФСБ) Владимира Путина исполняющим обязанности премьер-министра. В течение последующих месяцев серия терактов, произошедших в России и на Северном Кавказе, приводит к началу Второй чеченской войны, заканчивающейся взятием Грозного российскими войсками. 19 декабря избирательный блок во главе с Владимиром Путиным побеждает на выборах, и весьма символично, что на заре 2000-х гг. его лидер становится исполняющим обязанности президента. 26 марта 2000 г. в результате президентских выборов, набрав 53% голосов, он утвержден в этой должности.

«Шоковая терапия», прописанная «больному» экономистами-либералами, вдохновленными западными моделями, разграбление национальных богатств, организованное некоторыми российскими олигархами — порождением предыдущей системы, рост коррупции, обозначившийся еще в советскую эпоху, и разлад, вызванный обособленностью регионов, — все это вкуче становится факторами, которые приводят Россию к упадку. Отныне она

неспособна поддерживать свой статус мощной ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности. В этот момент Соединенные Штаты начинают расширение НАТО на восток Европы, тогда как Збигнев Бжезинский, вдохновитель американской внешней политики, призывает вернуться — после успехов «по сдерживанию», достигнутых в результате холодной войны, — к *roll back* российского могущества. Нужно дождаться конца 1990-х гг., чтобы увидеть первую реакцию России, проявившуюся в назначении на пост премьер-министра Евгения Примакова, а затем в приходе Владимира Путина. Победа во Второй чеченской войне, восстановление «вертикали власти», реставрация влияния центра в регионах, «сокрушение» нескольких олигархов и вознаграждение себя взятием под контроль газового гиганта «Газпрома» стали признаками новой политики власти, появления новой управленческой команды, преодоления гибельных тенденций, обозначившихся в начале 1990-х.

В мае 2000 г. для обуздания центробежных сил президент Путин делит страну на федеральные округа, руководство которыми возложено на ответственных лиц, назначаемых центральной властью. В июне один из доверенных президента, Дмитрий Медведев, становится главой совета директоров «Газпрома», основным акционером которого является государство. В апреле 2001 г. телеканал НТВ переходит под контроль людей, приближенных к Кремлю, а в следующем году то же самое происходит с ТВ-6, собственностью олигарха Бориса Березовского. В октябре 2003 г. олигарх Михаил Ходорковский, контролирующий нефтяной холдинг «ЮКОС», арестован в момент переговоров о продаже части бизнеса одной из американских фирм. Осуществив подобное начинание, Владимир Путин получает доверие электората и, будучи переизбранным 71,2% голосов, вновь становится во главе государства в марте 2004 г. В декабре следующего года конституционная реформа укрепляет президентскую власть. В июле 2006 г. саммит «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге посвящен возвращению России в клуб великих держав.

Рост цен на нефть и трудности, с которыми столкнулись Соединенные Штаты в Ираке и Афганистане, способствуют подобному возвращению России, вновь обретающей свободу инициативы и возможность действовать, которой она была лишена в течение предыдущего десятилетия. Успехи в бывшей советской Средней Азии, провал украинской «оранжевой революции» и победа над Грузией летом 2008 г. свидетельствуют о масштабах происходящих перемен. Эти результаты были достигнуты благодаря тому, что Россия выполнила несколько условий, необходимых для подобного перелома. Она по-новому сформулировала смысл национальной идеи, свободной от советского наследия, стала восстанавливать экономическую мощь, способную быстро упрочить позиции власти, и, наконец, начала проводить внешнюю политику, направленную, в частности, на ближнее зарубежье и позволяющую восстановить престиж и влияние России, отныне снова воспринимаемой в качестве одного из важнейших компонентов формирующегося многополярного мира.

Конец Советской империи и образование огромных территорий, на которых проживают самые разные народы, поставили вопрос о самобытности новой Российской Федерации, родившейся в результате событий 1991 г. На 80% состоящее из русских, население нового государства включало в себя и различные меньшинства: финно-угорские, сибирские, но главное — тюркские и кавказские народы, издавна проживающие в Поволжье и на Северном Кавказе. Интеграция этих меньшинств, зачастую исповедующих ислам и, в незначительной степени, буддизм, помешала сделать выбор в пользу «русского» как эксклюзивного этнического определения, предпочесть одну-единственную национальность остальным. Новое государство постаралось учесть многообразие страны — существование автономных республик, оставшихся в наследство от советской эпохи, зачастую действительно населенных преимущественно русскими, — при этом официально признав исторически взаимосвязанные религиозные традиции: православие, ислам, иудаизм и буддизм. Русский язык и кириллический алфавит, лежащий в его основе, представляются такими же знаковыми маркерами идентичности, такой же характеристикой, как *lingua franca* в новых независимых государствах, и, в частности в Средней Азии, становятся свидетельством явного российского влияния.

Новая Россия, полностью вернувшая православной традиции ее былое значение, вырабатывает и свои собственные взгляды на историю, особенно в плане того, что касается, с одной стороны, взаимоотношений с Европой, а с другой — с востоком, его степями и бескрайними сибирскими просторами. За минувшие века сравнение с Европой стало важным аспектом споров о предназначении России, начиная с шагов, осуществленных Петром Великим, решившим развернуть свою империю на Запад и тем самым обеспечить ее модернизацию. В ряде случаев именно двигаясь по «блистательному кратчайшему пути» страна пыталась закрепиться в Европе в период, начавшийся реформами Александра II и завершившийся выработкой советской модели, идеологическая суть которой, конечно, заключалась в противопоставлении себя Европе, но тем не менее сама модель оказалась прямым порождением европейской культуры. Однако трудности континентальной страны и реалии «евразийской державы» (как и споры западников со славянофилами, чье эхо докатилось до нас благодаря Сахарову и Солженицыну) способствовали выработке особого самосознания, специфической «самопрезентации» России в мире и пониманию возложенной на нее цивилизационной миссии.

Стоит подчеркнуть — учитывая долгий период изучения истории через призму современной геополитики, — что каждый раз, когда Россия стремилась быть просто европейской державой, она испытывала разочарования и теряла свои позиции как сильное государство, способное управлять судьбами мира. Напротив, всегда, когда ей удавалось обрести равновесие между Европой и Азией, Россия оказывалась на пике своего могущества. Новой

России по замыслу Владимира Путина предназначено стать великой евразийской Россией, способной играть мировую роль.

Выработка новых принципов государственной идентичности посредством установления связей между историческими периодами, соответствующими тому, что принято называть «царской Россией» и «Россией советской», когда даже само название «Россия» исчезает из официального наименования империи, становится необходимым условием пробуждения «национального» самосознания и разработки общего проекта, способного дать россиянам уверенность в завтрашнем дне. Это был вызов, которому новое российское государство попыталось соответствовать с разной долей успеха, поскольку, если пробуждение самосознания, кажется, сегодня происходит, то показатели рождаемости и тревожные демографические перспективы демонстрируют, насколько существенно эти факторы ограничивают духовный подъем.

Стараясь обрести былой вес на международной арене, Россия Владимира Путина также нуждается в восстановлении своей экономической мощи, учитывая размах строительства, особенно в области коммуникаций, где необходимы огромные усилия по освоению необъятных просторов страны и полноценному использованию ее огромного потенциала. Обилие энергетических ресурсов и запасов промышленного сырья, очевидно, остается главным козырем, однако стране все еще не хватает технологических инноваций, которые во многом могли бы стать результатом сотрудничества с иностранными государствами, как это имело место в начале XX в. У России есть шансы вновь превратиться в великую сельскохозяйственную державу, экспортера, каким она являлась до 1914 г. Страна также предпринимает усилия по освоению и модернизации некоторых промышленных секторов, которые кажутся необходимым условием для обретения независимости и конкурентоспособности в данной области. Все это одновременно требует пересмотра географии основных промышленных районов, образованных в советскую эпоху. Прилагаемые на протяжении десятка лет усилия, направленные на достижение этих целей, должны дать свои плоды к началу 2020-х гг. Наконец, для полноты картины: возрождение России, равным образом обозначившееся на международной арене, особенно в ближнем зарубежье, соответствующем окраинам бывшего СССР, является примером несомненного успеха, достигнутого в первом десятилетии нового века, ставшего свидетелем краха американских попыток «подавить» российскую державу всевозможными евразийскими gimland.

Именно выполнение этих различных условий Владимиром Путиным, Дмитрием Медведевым и политической элитой, мобилизованной в рамках нового проекта, сделало возможным возвращение России в качестве великой державы, которое мир наблюдает на протяжении последнего десятилетия.

Мы хотели в своей книге обосновать то, что интуитивно ощущалось нами начиная с 1991 г., в эпоху постсоветского распада: то, что Россия, несмотря на все пессимистические предсказания недавнего времени, сможет добиться геополитического возрождения и на этом пути неизбежно вступит в противоречия с Соединенными Штатами Америки и державами, участвующими в мировом американском проекте.

Арно Леклерк. Русское влияние в Евразии: Геополитическая история от становления государства до времен Путина

Опубликовал: Unkown на 14.16

Ярлыки: Книги, Познавательное, Публицистика

[Следующее](#)

[Главная страница](#)

[Предыдущее](#)